

Гончарова Н. П., Ноянзина О. Е.

СУБЪЕКТИВНОЕ СОСТОЯНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЭКСКЛЮЗИИ МИГРАНТСКОГО СООБЩЕСТВА НА РЫНКЕ ТРУДА АЛТАЙСКОГО КРАЯ

***Аннотация.** Субъективное состояние социальной эксклюзии мигрантов на рынке труда Алтайского края. Трудовые мигранты, как легальные, так и нелегальные подвергаются значительному ограничению на рынке труда края. Максимально ущемлено право на социальные и правовые гарантии в сфере труда, что практически лишает мигрантов возможности решения производственных споров правовым путем. Субъективное состояние социальной эксклюзии заключается в том, что подобное положение не устраивает мигрантов, они ощущают себя ущемленными в реализации своих прав на рынке труда. В статье представлены результаты социологического исследования в форме глубинного интервью разных категорий трудовых мигрантов в Алтайском крае. В 2012–2013 годах в Алтайском крае проведен цикл глубинных интервью с трудовыми мигрантами ($n = 35$, в том числе легальных $n = 20$ и нелегальных $n = 15$). В ходе исследования выявлено, что положение на рынке труда во многом устраивает опрошенных мигрантов, поскольку они изначально согласны на меньшую оплату труда при повышенных трудовых нагрузках, устных договоренности о сроках и размере оплаты труда, что существенно повышает риск их нарушения. Принятие описанных условий труда обусловлено и тем, что зачастую мигранты не имеют необходимых документов для проживания и осуществления трудовой деятельности на территории пребывания. В процессе выполнения трудовой деятельности мигранты также могут быть подвержены дискриминации, как во взаимоотношениях с руководством, так и с коллегами. Имеет место более критичное отношение к труду мигрантов иной этнической принадлежности. Доверительные отношения с коренным населением формируются крайне редко, мигранты предпочитают «земляческий» принцип проживания и проведения досуга.*

***Ключевые слова:** рынок труда, эксклюзия, социальная эксклюзия, мигрант, миграция, трудовой мигрант, легальный трудовой мигрант, нелегальный трудовой мигрант, ущемление прав, состояние социальной эксклюзии.*

Постановка проблемы. Миграционная мобильность населения является неотъемлемым атрибутом социальной реальности современного российского

общества. Не секрет, что наиболее острые проблемы, обусловленные миграционной мобильностью, в приграничных поликультурных территориях (одной из которых является,

к примеру, Алтайский край)¹. Как свидетельствует анализ статистических данных, труд иностранных граждан широко используется во многих отраслях экономики региона. Так, например, мигранты составляют 35,7% от всех работающих в сфере строительства, 17,8% — торговли, 15,8% — обрабатывающего производства, 18% — общепита, 5,5% — сельского хозяйства, 3% — добычи полезных ископаемых и 4,2% мигрантов занято в других отраслях народного хозяйства².

По неофициальным оценкам в Алтайском крае проживает 15–20 тысяч нелегальных мигрантов. По подсчетам специалистов миграционной службы края — в регионе может находиться от трех до пяти тысяч нелегалов. Официальная статистика опирается на факты, согласно которым в 2011 году привлечено к ответственности 1700 человек за нарушение режима проживания в России.

С учетом сказанного, а также того, что трудовая иммиграция составляет в настоящее время основной поток мигрантов в Алтайский край, то именно она определяет миграционный климат в регионе, в том числе и его нелегальный характер. Мониторинг ситуации на рынке труда Алтайского края свидетельствует о том, что большее количество гастарбайтеров может привести к негативным изменениям в этой сфере.

Учитывая данные обстоятельства, администрация края с 2009 г. предпринимает меры по сокращению объема квот на выдачу разрешений на работу иностранным гражда-

нам — с 3293 разрешений в 2009 г. до 1028 разрешений в 2013 г. За указанный период объем квоты на привлечение и использование иностранной рабочей силы для Алтайского края снижен более чем на 68%.

Нелегальная трудовая деятельность мигрантов естественно наносит урон экономике края тем, что используя дешевый труд нелегала, работодатель не платит налоги, такой иностранный работник не оплачивает необходимый размер государственной пошлины, не проходит медицинское освидетельствование. Именно нелегальная трудовая деятельность снижает планку заработной платы³.

С другой стороны, перемещение в чужую национальную, этническую или региональную среду и самих мигрантов ставит в ситуацию, угрожающую их положению. Например, в ситуации обострения конкуренции на рынке труда мигрантов стали обвинять в том, что они занимают те рабочие места, которые могли бы занять местные кадры, что, в свою очередь привело к обострению в обществе этнического фактора, подчеркнувшего наличие культурных и религиозных различий между мигрантами и местным населением⁴.

Сложившееся противоречие между необходимостью анализа разных аспектов миграции, в том числе трудовой и нелегальной, на характер и содержание процессов, происходящих в Алтайском крае. Один из таких аспектов — распространение практик социальной эксклюзии на рынке труда.

Мы разделяем точку зрения Ф. М. Бородинкина, З. И. Калугиной, А. М. Сергиенко и дру-

¹ Зайончковская Ж. Рынок труда как регулятор миграционных процессов // Миграция и рынки труда в постсоветской России / Под ред. Г. Витковской; Моск. Центр Карнеги. — М., 1998; Методология и методы изучения миграционных процессов / под ред. Ж. Зайончковской, И. Молодиковой, В. Мукомеля. — М., 2007.

² Родионова Л. В. Современные миграционные тенденции // Социально-экономические аспекты реформирования в Алтайском крае в 90-е годы / Под ред. А. Я. Троцкого. — Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2001.

³ Ивахнюк И. В. Нелегальная миграция в контексте национальной безопасности России // В сб.: Ломоносовские чтения—2003. М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС.

⁴ Ионцев В. А., Ивахнюк И. В. Россия в мировых миграционных потоках: особенности и тенденции последнего десятилетия (1992–2001 гг.) // В сб.: Мир в зеркале международной миграции. Серия «Международная миграция населения: Россия и современный мир». Выпуск 10. М.: МАКС Пресс. С. 38–89.

гих авторов на понимание сути социальной исключенности. При анализе данного феномена различают ситуацию, состояние и процесс социальной эксклюзии¹. В исследовании под ситуацией социальной эксклюзии мы понимаем объективированные обстоятельства, оказавшись в которых, люди не имеют возможности воспользоваться предоставленными им социальными правами. В результате чего в такой ситуации оказываются граждане, чьи права, гарантированные международными, национальными и местными нормативно-правовыми актами, регулирующими социально-трудовые отношения, так или иначе ущемляются. Состояние же социальной эксклюзии определяется индивидуальным восприятием ситуации и самоидентификацией. Процесс социальной эксклюзии рассматривается как последовательность состояний, стадий, уровней, глубины, интенсивности относительной социальной депривированности, или как последовательность обстоятельств, переводящих индивида или группу индивидов из нормального состояния в состояние социальной эксклюзии².

Основными формами проявления социальных эксклюзий являются: 1) безработица как эксклюзия от гарантий государства в сфере занятости, от оплачиваемой работы; 2) бедность как эксклюзия от средств к существованию в ситуации безработицы и занятости, 3) неправовые трудовые практики, значительные масштабы теневого рынка труда, поскольку здесь трудовые права работников не соблюдаются и не могут быть защищены государственными и общественными инсти-

тутами; 4) эксклюзия от информации, приводящая к нарушениям основных прав и свобод человека в социально-трудовой сфере; 5) эксклюзия от сетей социальной безопасности, социального страхования³.

Объекты и методы. В 2012–2013 года в Алтайском крае проведен цикл глубинных интервью разных категорий трудовых мигрантов (исследование реализовано авторами в рамках выполнения работ по гранту РГНФ № 12–13–22007а (р) «Нелегальная трудовая миграция как риск социальной эксклюзии на рынке труда Алтайского края», 2012–2013; n = 35, в том числе легальных n = 20 и нелегальных n = 15).

Глубинное интервью проводилось с трудовыми мигрантами на территории Алтайского края, как легальными (n=20), так и нелегальными (n=15). Опрос трудовых мигрантов проводился методом глубинного интервью с применением техники личного (очного) интервью. Такое интервью основывалось на простом перечне исследовательских вопросов, представляющих собой список тем, которые мы хотели поднять в ходе интервью. Порядок тем не устанавливался и соответствовал течению беседы. Весь процесс беседы записывался на диктофон. В проекте опрашивались трудовые мигранты из стран СНГ, не имеющие гражданства России и вида на жительство, приезжающие в Россию на определенный срок с целью заработка, а также трудовые мигранты из стран СНГ, приехавшие в регион по квотам, и трудовые мигранты из других субъектов РФ. Для проведения опроса трудовых мигрантов была использована целевая выборка с применени-

¹ Бородкин Ф. М. Преодоление социальной эксклюзии: новые подходы // Россия, которую мы обретаем / Отв. ред. Т. И. Заславская, З. И. Калугина. — Новосибирск, 2003. С. 507–537.

² Абрахамсон П. Социальная эксклюзия и бедность // Общественные науки и современность. 2001. № 2. С. 158–166; Тихонова Н. Е. Феномен социальной эксклюзии в условиях России // Мир России. 2003. № 1. С. 36–84.

³ Сергиенко А. М., Калугина З. И., Родионова Л. В., Фадеева О. П., Муронова И. Ю. Экономическое поведение населения и социальные эксклюзии на сельском рынке труда // Социальная политика: реалии XXI века: сб. работ грантополучателей Четвертого тура конкурса: Серия «Грантовые проекты НИСП-IISP Grantees» Papers» GP/2004/05. — М.: Независимый ин-т соц. политики, 2004. — Вып. 2. — С. 160–196.

ем основного метода неслучайного отбора и формирования выборочной совокупности — метода снежного кома. В качестве объектов поиска информантов были выбраны места занятости мигрантов (стройки, рынки, предприятия транспорта, сферы услуг и др.).

Результаты и обсуждения. Представим некоторые результаты, полученные по итогам анализа данных упомянутого исследования, которые закодированы следующим образом: НТМИ — нелегальный трудовой мигрант, ЛТМИ — легальный трудовой мигрант, далее представлен порядковый номер интервью, место его проведения (гг. Барнаул, Бийск, Рубцовск, с. Жилино). Курсивом выделены цитаты респондентов, сохранена их исходная лексика.

Чем же привлекателен Алтайский край как регион вселения трудовых мигрантов, возможности, которые предоставляет рынок труда субъекта для рассматриваемой категории лиц? Данные глубинного интервью разных категорий трудовых мигрантов, свидетельствуют о том, что социально-экономические, экологические, политические характеристики, параметры общественной безопасности или иные характеристики региона не являются определяющими при выборе территории осуществления трудовой деятельности, как это было спроецировано на этапе построения гипотез исследования.

Как отметил один из опрошенных, *«это было непринципиально»* (НТМИ_08 Барнаул, С. 2–3). Ключевыми факторами, сформировавшими выбор, оказались диаспоральные или родственные связи мигрантов. Все респонденты приехали в Алтайский край к родственникам, друзьям или знакомым. Тенденция к консолидации с соплеменниками отличается прежде всего выходцев из Средней Азии и республик Северного Кавказа. Со «своими» *«отношения легче, отношения, и помогают, и всё, а россияне — нет»* (НТМИ_16 Бийск, С.1–2). При этом практически все мигранты указали, что если не Алтайский край, выбор

пал бы какой-нибудь другой регион Российской Федерации, где есть знакомые или родственники. Однако предысторией мигрантской жизни у каждого стали либо положительные отзывы о жизни и работе в крае друзей и родных, либо ознакомительная поездка к ним. В итоге, *«получается, что держит (в Алтайском крае) только одно»* — родственные и дружеские связи (НТМИ_24 Жилино, С.4).

Наличие знакомых и родственников — дополнительный бонус для мигрантов — *«подскажут, здесь друзья работают, рассчитывал на их помощь, и первое время было, где остановиться»* (НТМИ_08 Барнаул, С. 2–3). Быть одному *«здесь тяжело, это как тебе скажут, документы-то все это... документы на нас берет работу, дадут работу, надо гражданство надо получать, это через три года надо этому, тяжелая это работа»* (НТМИ_18 Бийск, С.1).

Уровень оплаты труда мигрантов также не формирует выбор региона. По мнению опрошенных, зачастую имеющих богатый опыт работы в разных территориях России, в Алтайском крае весьма низкая оплата труда как мигрантов так и в целом населения во многих отраслях производства. Даже по сравнению таким депрессивным регионом России как Ивановская область (НТМИ_24 Жилино, С. 4–5). Однако цель трудового мигранта — заработать хоть какую-то сумму средств на любой посильной работе, чтобы оправдать свое пребывание на территории края (ЛТМИ_14 Бийск, С.3). Что любопытно, по оценкам одного нелегального мигранта, работать неофициально в крае даже выгоднее, хотя существует возможность официального трудоустройства: *«можно ... устроиться нормально работать, да, как бы... на нормальных... мне кажется, вот то, что оплата труда ниже»* (НТМИ_24 Жилино, С. 4–5).

Хотя в целом спрос на труд мигрантов в Алтайском крае существует, он формируется преимущественно на низкоквалифицированный труд (дворники, подсобные рабочие),

на подсобные строительные и строительно-отделочные работы (штукатуры, маляры, чернорабочие на стройке) и на труд работников непритязательных в отношении соблюдения графика работы и условий труда, хотя некоторым удается найти и место работы, требующее квалификации (водитель, машинист башенного крана) (ЛТМИ_14 Бийск, С.3). «Азиаты» заняты выращиванием и продажей овощей и фруктов (ЛТМИ_12 Бийск, С. 3–4).

Отмечается, что мигранты — наиболее привлекательные работники: *«приезжие, получают, работают побольше, а местные мало, как по часам, с 8 до 17, с перекурком, с этими... А нам-то что, чем быстрее сделаем, тем лучше, деньги получил»* (ЛТМИ_015 Бийск, С.3), потому как *«у нас там как бы, проблемы с работой у нас, людей много, а работы мало, а это... здесь как, работы много, а людей, наоборот, мало. Никто не хочет идти на низкооплачиваемую работу и работать, чисто вот это вот, менталитет такой»* (ЛТМИ_14 Бийск, С.3).

Одним из основных факторов, определяющих состояние социальной эксклюзии на рынке труда, является статус занятости — легальный (официальная документированная занятость) или нелегальный (неофициальная недокументированная занятость), лишаящий работающего правового положения и, соответственно всех гарантий в сфере труда. Как показывает практика, чаще всего труд мигрантов нелегальный, оплата труда осуществляется по договоренности, по-родственному (если мигрант работает совместно с родственниками в торговле, сельском хозяйстве или в общественном питании), по факту проделанной работы. В редких случаях мигранты либо имеют несколько источников дохода, один — наименее оплачиваемый (сторож, охранник, дворник) — легальный, остальные — недокументированный. Лишь трое из всех опрошенных мигрантов (все работают в сфере жилищного строительства) имеют трудовой договор с нанимателем, при этом являясь гражданами

Российской Федерации (ЛТМИ_02 Барнаул, С.5), (ЛТМИ_03 Барнаул, С.3), (ЛТМИ_015 Бийск, С.3), один работает на основании заключенного с работодателем трудового соглашения (ЛТМИ_05 Барнаул, С.3).

Итак, на каких условиях осуществляется оплата труда опрошенных:

- по устной договоренности с работодателем, получая оплату труда по факту выполненных работ ежедневно или с другой периодичностью без фиксации в документах. Гарантией оплаты труда во всех случаях является доверие работодателю;
- по договоренности с родственниками, с которыми имеется совместный бизнес, нет фиксированного размера оплаты труда, размер ее определяется исходя из прибыли или нужды в чем-либо;
- доходы от нелегального индивидуального предпринимательства (фермерская деятельность);
- на основе сборов за предоставляемые услуги по спортивной подготовке рукопашному бою желающих, с арендодателем помещения спортивного зала *«оговорена ежемесячная сумма оплаты аренды спортзала, ну, и определенные требования, то есть, к инвентарю и так далее, и всё. И я сейчас занимаюсь, тренирую, пока сейчас летнее время очень удобно, зал пустует, потому что люди, как правило, тренирующиеся кто в отпуске, кто просто ... работаю, пытаюсь работать»* (ЛТМИ_08 Барнаул, С.4);
- на условиях трудового договора *«официально сейчас в школе охранником в ночную смену»*, нелегально по устной договоренности — *«стройка, постройка»* (ЛТМИ_015 Бийск, С.1);

Основное препятствие к официальному трудоустройству — отсутствие необходимых документов (паспортов, гражданства, разрешения на временное проживание).

Способ оформления трудовых отношений определяет порядок осуществления оплаты

труда. В трех случаях трудовые мигранты, имеющие договорные отношения с работодателем, получают оплату труда ежемесячно на банковские счета пластиковых карт, оформленных работодателем. Хотя отмечают, что бывают случаи задержки заработной платы от недели до двух месяцев. Только один из них отметил наличие авансовых выплат. Все прочие мигранты, имеющие устные договоренности с работодателем, получают оплату труда по факту выполненных работ, чаще всего в наличной форме «на руки», хотя встречаются случаи перечисления средств на счет в банке. Задержка оплаты труда — распространенная практика в отношении трудовых мигрантов, в данном случае опрошенные признают свою бесправность, поскольку у них отсутствуют рычаги влияния на работодателя — должника.

В редких случаях работодатель предоставляет на условиях аренды жилье мигрантам или оказывает содействие в поиске жилья (ЛТМИ_02 Барнаул, С.5), чаще же приезжающие самостоятельно решают проблему проживания, чаще всего через аренду жилья или пользуются родственными связями (живут у родственников) (ЛТМИ_06 Барнаул, С. 9).

Наиболее благоприятна ситуация в отношении организации работодателем питания трудовых мигрантов, работодатели готовы обеспечить условия для хранения и разогрева обедов работникам (предоставить холодильник, электрический чайник, столовые принадлежности) или же организовать питание, обеспечить доставку еды или выделяя денежную сумму на питание (обычно в пределах 100 рублей на человека). Хотя большинство опрошенных подобных гарантий не получают, предпочитая решать проблемы питания самостоятельно («готовим сами»... «ни у кого не спрашиваем»).

Гарантии на медицинское обслуживание получают только официально трудоустроенные мигранты через систему обязательного медицинского страхования. Все прочие опро-

шенные никогда не уделяли особого внимания необходимости получения медицинской помощи и каких-либо гарантий работодателя в этом отношении. Таким образом, гарантии медицинского обслуживания в последнюю очередь будут определять выбор труда мигрантами, более того, вполне достаточным со стороны работодателя они полагают предоставление медицинской аптечки (ЛТМИ_02 Барнаул, С.6), а проблемы со здоровьем, возникшие не на производстве, — личными проблемами, да и травмы на производстве, полученные «по своей вине» — своей заботой (ЛТМИ_05 Барнаул, С.4).

Хотя отмечено, что в случае получения вреда здоровью на производстве некоторые «фирмы» выплачивают работникам компенсацию, потому как «так нельзя своих людей...» (ЛТМИ_03 Барнаул, С.3). Чаще всего в случае проблем со здоровьем, рабочие за свой счет получают отгулы на работе, медицинские услуги получают за наличный расчет, но экстренную медицинскую помощь получают бесплатно (услуги скорой медицинской помощи, экстренные оперативные вмешательства). Лишь в двух случаях (ЛТМИ_02 Барнаул, С.6), (ЛТМИ_015 Бийск, С.5) работники указали. Что их предприятие выплачивает им компенсации по больничному листу.

Ни один из опрошенных, даже имеющий трудовой контракт, не имеет оплачиваемого отпуска, оправдывается сложившаяся ситуация тем, что работа мигранта сдельная и носит сезонный характер.

В соответствии со ст. 99 Трудового кодекса Российской Федерации допускается выполнение работником сверхурочной работы. Сверхурочная работа — работа, выполняемая работником по инициативе работодателя за пределами установленной для работника продолжительности рабочего времени: ежедневной работы (смены), а при суммированном учете рабочего времени — сверх нормального числа рабочих часов за учетный период. При-

влечение работодателем работника к сверхурочной работе допускается с его письменного согласия в случаях, установленных трудовым законодательством, согласия работника на сверхурочную работу не требуется только при наличии чрезвычайных обстоятельств.

Только один из опрошенных отметил, что редко, но сверхурочная работа бывает оплачена (ЛТМИ_02 Барнаул, С.6), остальные респонденты указали на отсутствие такой практики, поскольку работа ими ведется до тех пока, пока «все не сделаем», в имеющихся договорах (как письменных, так и устных) не указан график работы.

В ходе опроса респондентам был задан вопрос о наличии фактов принуждения к выполнению разных работ. Все опрошенные отметили, что, по их оценкам, принуждать их к труду нет необходимости, психологического дискомфорта от предлагаемого объема работ они не испытывают.

Таким образом, в отношении большинства трудовых мигрантов, принявших участие в исследовании, работодателями не обеспечиваются основные социальные гарантии, при этом сложившаяся ситуация устраивает обе стороны трудовых отношений. По оценкам самих мигрантов, нарушение их трудовых прав должно выражаться в принуждении к чему-либо, чего они делать не хотят, а с такими случаями они не сталкивались. Следовательно, объективная ситуация в отношении обеспечения работодателями их трудовых прав не воспринимается как «ненормальная», дискриминирующая их положение. О том, что их в чем-то могут ущемить, мигранты даже не задумываются, поскольку изначально смирились со своим «нелегальным» положением: *«если бы я был бы официально здесь трудоустроен, имел бы прописку, то, наверно, об этом бы задумывался, а сейчас я вольнонаемный человек и поэтому все свои права я знаю и стараюсь как можно больше облегчить свой труд, и права мои, я не думаю, что сильно нарушаются»* (НТМИ_08 Барнаул С.7).

В качестве примера нарушения трудовых прав мигранты также называют несвоевременную оплату их труда: *«Вот, допустим, работу сделал..., хозяин — отдам завтра, отдам послезавтра, отдам через неделю»* (НТМИ_09 Барнаул, С. 12).

Только одна из опрошенных указала в качестве основных признаков нарушения ее трудовых прав отсутствие *«социального пакета, социальных гарантий, медицинского страхования, в Пенсионный Фонд ничего отчислений»* (НТМР_01 Барнаул, С.5).

Естественно, подобные оценки своего положения на рынке труда не могут не отражаться на стратегиях поведения в защиту трудовых прав. Никто из опрошенных ни разу не обращался в органы власти из-за нарушения своих трудовых прав, поскольку полагают, что *«не в том положении находится»* (НТМР_01 Барнаул, С.5), (НТМИ_24 Жилино, С.10).

Не только правовой статус на рынке труда может выступать фактором социальной эксклюзии, но характер социальных контактов с другими участниками трудового процесса, насколько он приводит ли он к дискриминации мигрантов в осуществлении труда, производственных взаимодействий и иных связей в рамках трудового процесса. Участниками трудового процесса являются многие субъекты трудовых отношений, в частности, помимо мигрантов (работников), мы можем рассматривать работодателей, коллег, потребителей услуг или продукта труда мигрантов, коренных жителей региона, с которыми могут формироваться отношения по поводу осуществления труда и многих других.

Трудовые мигранты стараются выстраивать бесконфликтные отношения в рамках производственного процесса, не заинтересованы в существовании каких либо разногласий по поводу осуществления труда. Конечно, контакты с коллегами по работе, будь то местные жители или такие мигранты, наиболее интенсивны. Отмечается, что на первых этапах

вхождения мигранта в коллектив, состоящий не только из «местных», к нему относятся «с каким-то недоверием, с неприязнью, может быть, относились, привет и пока, что... как, что говорить-то. А сейчас более дружеские отношения, уже влился в коллектив, более интересней и бывает, просят, подменяем друг дружку» (НТМИ_08 Барнаул, С.7–8), в редких случаях могут завязываться приятельские отношения, переходящие в общение вне рамок рабочего времени.

Наиболее часто встречающаяся характеристика межличностных отношений с коллегами — «нормальные».

Процесс общения трудовых мигрантов с работодателями, непосредственными руководителями, чаще всего сведен к минимуму. По словам одного из опрошенных: «человек приходит, задает вопрос, могу ответить... Я не попробовал (сам обратиться к руководителю), и не хочу, зачем мне обращаться к кому-то лично» (ЛТМИ_03 Барнаул, С.4–5). Зачастую контакты с руководством по инициативе работника носят вынужденный характер в силу необходимости оформления документов, получения справок и т.п.: «когда, например, куда-то какие-то документы нужны, например, в офис подойду, спрошу, они это... предоставляют то, что требуется» (ЛТМИ_05 Барнаул, С.6).

При этом сами мигранты отмечают, что отношение руководства к работникам не дифференцируется в зависимости от того, коренной это житель или же приезжий (ЛТМИ_02 Барнаул, С.7).

Практики удержания работника на рабочем месте в случае нежелания его продолжать трудовую деятельность не имеют распространения в Алтайском крае. Все опрошенные отметили, что в случае собственного желания, могут в любое время покинуть работу в поисках новой.

В рамках исследования получена оценка трудовыми мигрантами степени удовлетворенности сложившейся ситуации с собст-

венной занятостью, условиями труда, жизни и в целом условиями, предоставляемыми Алтайским краем.

Нельзя сказать, что жизнь трудового мигранта полностью удовлетворяет или вызывает безусловно положительные эмоции опрошенных. Оценочные характеристики всех опрошенных носят преимущественно нейтральный характер. Опрошенные указывают на то, что удовлетворенность предложенными условиями — не главное, регион, дающий им работу, нужен только в качестве донора рабочего места и гарантии стабильности спроса на труд мигрантов. Если эти два условия выполняются — трудового мигранта все устраивает, если же станет «здесь плохо, я туда поеду, если там плохо, я сюда приежаю. Понимаете, тут не как сказать, что вот здесь хорошо или там хорошо, то есть, ну, это по-разному» (ЛТМИ_02 Барнаул, С.9).

Место временного проживания чаще всего не вызывает эмоциональной привязанности, это просто временные условия, дающие возможность обеспечивать себе и своей семье минимальные гарантии материальной обеспеченности, большего опрошенные и не ожидают, и не ищут: «Я знал что, на что иду сюда. Поэтому думать, об этом думать, что мне это нравится, это мне плохо... я даже об этом никогда думал. Раз я согласие дал на такую работу идти, а потом зачем возмущаться и еще там пойти другую работу искать и огорчаться за этой работой, и радоваться этой работой, тоже я так думаю, что даже не думал об этом» (ЛТМИ_06 Барнаул, С.11). Ведь главное — чтобы «моя семья была обеспечена, одета, обута и сыта, и всё, мне больше ничего не надо. Я никуда не лезу» (НТМИ_12 Бийск, С. 4)

Оценивая свои взаимоотношения с местным населением, опрошенные мигранты дают неоднозначные характеристики: в целом отношения нормальные, со стороны мигрантов есть стремление не взаимодействовать с местными без особой на то нужды, не про-

воцировать конфликтов, а при их возникновении — избегать. Основной принцип межличностных контактов с коренным населением: *«я ни с кем не ссорюсь, ссориться не буду, пойду на свою дорожку, никому не мешаю, а мне не мешают люди»* (ЛТМИ_03 Барнаул, С.7–8).

Со стороны местных отмечается настороженное отношение, которое зачастую переливается в открытое неприятие под воздействием алкоголя. Практически все опрошенные отметили, что состояние алкогольного опьянения усиливает недоброжелательное отношение коренного населения по отношению к приезжим, особенно — из государств Средней Азии (ЛТМИ_06 Барнаул, С. 5).

Есть еще один аспект отношений, в котором проявляется отторжение мигрантов от местного сообщества — санитарно-гигиенический. На производстве «местные» избегают совместного питания и общих мест проведения гигиенических процедур (ЛТМИ_03 Барнаул, С.7–8), так один опрошенный указал, что на его предприятии мигрантам запрещено пользоваться душевой комнатой (НТМР_01 Барнаул, С.7–8).

«Местные» могут позволить себе *«не уступить... быть грубым ... по отношению к тебе незнакомые люди, конфликты такие, могут они замечания делать различные»*, но подобное поведение мигранты оправдывают естественным положением вещей и чаще готовы его терпеть: *«конкретной дискриминации я не наблюдал, но, думаю, что, как и везде, она... такое практикуется, и, в принципе, что это есть. Но я трезво смотрю на эти вещи, понимаю, что так же... ну, есть определенная склонность у русского к русскому, у казаха к казаху, нет плохих или хороших людей, то есть, ну, то есть, наций, есть в каждой нации плохие и хорошие люди. Ну, а вообще, любой как бы больше как бы любит свою нацию, но и других, как бы, не сказать, чтобы я испытывал негатив какой-то к другим»* (НТМИ_08 Барнаул, С.11).

При этом характерно, что негатив во взаимоотношениях опрошенными не связывается исключительно с их мигрантским статусом или этнической принадлежностью. Как отмечают респонденты, националистические высказывания спровоцированы конкуренцией за рабочее место, с тем, что мигрант *«работу отбирает»* (НТМИ_23 Бийск, С.1), а чтобы по национальному признаку кто-то *«конкретно такое что-то... нет, такого не бывает, там придирался, нет, такого не бывает»* (НТМИ_23 Бийск, С. 3–4); *«все равно смотрят косо, например, по-любому, потому что, мне кажется, как они думают, вот, что если вот он работает, а я, типа, не могу на работу устроиться и как бы он, так скажем, ест мой хлеб, так скажем, вот так»* (НТМИ_24 Жилино, С. 14–15).

В бытовых же взаимодействиях с местным населением — арендодателями жилых помещений, соседями, коллегами — чаще всего взаимоотношения носят адекватный ситуации характер, например, *«хозяйка очень хороший человек, я очень доволен от нее, потому что бывает, что, например, у меня работы нет, например, ну, вот долги у меня собираются к ней, ничего, вот она... потом я отработываю и отдаю долг»* (НТМИ_23 Бийск, С. 3–4).

Однако, чем длительней период пребывания в России, тем положительнее оценки взаимодействий с коренным населением. Так, один из опрошенных, более 20 лет переехавший в Россию, отмечает: *«честное слово, я себя чувствую как дома, Россия для меня, я как рыба, этот язык для меня, я в себе трудностей не чувствую, я дома. Ко мне русские люди относятся намного лучше, чем мои уже... Я мало общаюсь со своей нацией, да, но уважаю, свой язык знаю, это с детства уже вложено, мне... нам очень русские помогали, очень много, моему отцу...»* (НТМИ_13 Бийск, С.4).

Основные выводы и предложения.

Итак, можно сделать вывод о том, что тру-

довые мигранты, как легальные, так и нелегальные подвергаются значительному ограничению на рынке труда края. Максимально ущемлено право на социальные и правовые гарантии в сфере труда, что практически лишает мигрантов возможности решения производственных споров правовым путем. Однако подобное положение во многом устраивает опрошенных, поскольку они изначально согласны с ним, согласны на меньшую оплату труда при повышенных трудовых нагрузках, устные договоренности о сроках и размере оплаты труда, что существенно повышает риск их нарушения. Принятие описанных условий труда обусловлено и тем, что зачастую мигранты не имеют необходимых документов для проживания и осуществления трудовой деятельности на территории пребывания, соответственно, подвергаются угрозе выдворения из страны с уплатой соответствующих административных взысканий.

Именно в силу вышесказанного контакты с органами власти, общественными объединениями (за исключением сформированных по этническому принципу) практически сведены к нулю. Признавая свое нелегальное положение, бесправность, опрошенные не видят смысла апеллировать к содействию институтов государства в решении разнообразных проблем, в том числе и в сфере защиты трудовых прав.

Существенно укрепляет положение и правовой статус работающего наличие гражданства Российской Федерации. В этом случае у мигранта гораздо больше шансов укрепления правового положения работника, получения гарантированного социального пакета и оплаты труда, компенсаций по больничному листу и получении гарантий обязательного медицинского и социального страхования, осуществляемых в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

В процессе выполнения трудовой деятельности мигранты также могут быть

подвержены дискриминации, как во взаимоотношениях и руководством, так и с коллегами. Имеет место более критичное отношение к труду мигрантов иной этнической принадлежности, покровительственный или «поучающий» контекст общения с коллегами — местными жителями. Доверительные отношения с коренным населением формируются крайне редко, мигранты предпочитают «земляческий» принцип проживания и проведения досуга. Отмечено, что местное население максимально отстраняется от мигрантов в случае необходимости организации совместного питания или принятия гигиенических процедур в общих помещениях.

Таким образом, специфика регионального рынка труда и результаты проведенных социологических исследований дают нам возможность выделить перспективные направления и механизмы регулирования трудовой миграции в регионе. По нашим данным, необходимой мерой органов власти, призванной обеспечить установление добрососедских отношений местных жителей с мигрантами, должна стать активизация работы правоохранительных органов. В числе других актуальных мер можно считать помощь в изучении языка и обучении детей мигрантов, межкультурное образование, развитие отношений со странами и регионами, из которых прибывают мигранты. Помимо этого к перспективным направлениям регулирования трудовой миграции в целом можно отнести мониторинг миграционных установок населения Алтайского края; совершенствование статистического учета внутрикраевой миграции, включая межрайонные миграционные связи, временную и маятниковую миграцию внутри края; совершенствование системы транспортного сообщения между трудоизбыточными населенными пунктами и территориями потенциального трудоустройства граждан; развитие гибких и удаленных форм занятости населения; развитие селективной внешней трудовой миграции.

Библиография

1. Ивахнюк И. В. Нелегальная миграция в контексте национальной безопасности России // Ломоносовские чтения—2003. — М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2003.
2. Ионцев В. А., Ивахнюк И. В. Россия в мировых миграционных потоках: особенности и тенденции последнего десятилетия (1992–2001 гг.) // Мир в зеркале международной миграции. Серия «Международная миграция населения: Россия и современный мир». Выпуск 10. — М.: МАКС Пресс. — С. 38–89.
3. Волох В. А., Володин Е. В. Новое в законодательстве о трудовой миграции: плюсы и минусы // NB: Вопросы права и политики. — 2013. — 10. — С. 93–103. URL: http://www.e-notabene.ru/lr/article_9793.html
4. Евтушенко В. И. Миграция: критерии понятия // Актуальные проблемы российского права. — 2011. — 4. — С. 70–77.
5. Мамитова Н. В. Миграционная политика Российской Федерации: проблемы теории и практики // NB: Проблемы общества и политики. — 2013. — 6. — С. 73–104. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_532.html
6. Зайончковская Ж. Рынок труда как регулятор миграционных процессов // Миграция и рынки труда в постсоветской России / Под ред. Г. Витковской; Моск. Центр Карнеги. — М., 1998.
7. Методология и методы изучения миграционных процессов / под ред. Ж. Зайончковской, И. Молодиковой, В. Мукомеля. — М., 2007.
8. Родионова Л. В. Современные миграционные тенденции // Социально-экономические аспекты реформирования в Алтайском крае в 90-е годы / Под ред. А. Я Троцкого. — Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2001.
9. Бородкин Ф. М. Преодоление социальной эксклюзии: новые подходы // Россия, которую мы обретаем / Отв. ред. Т. И. Заславская, З. И. Калугина. — Новосибирск, 2003. — С. 507–537.
10. Абрахамсон П. Социальная эксклюзия и бедность // Общественные науки и современность. — 2001. — № 2. — С. 158–166.
11. Тихонова Н. Е. Феномен социальной эксклюзии в условиях России // Мир России. — 2003. — № 1. — С. 36–84.
12. Сергиенко А. М., Калугина З. И., Родионова Л. В., Фадеева О. П., Муронова И. Ю. Экономическое поведение населения и социальные эксклюзии на сельском рынке труда // Социальная политика: реалии XXI века: сб. работ грантополучателей Четвертого тура конкурса: Серия «Грантовые проекты НИСП-IISP Grantees» Papers» GP/2004/05. — М.: Независимый ин-т соц. политики, 2004. — Вып. 2. — С. 160–196.
13. Н. Н. Зинченко Региональные особенности правового регулирования процессов внешней трудовой миграции (на примере стран-участниц Содружества Независимых Государств) // LEX RUSSICA (РУССКИЙ ЗАКОН). — 2013. — 9. — С. 943–952.
14. Чирков Д. К., Литвинов А. А., Антонов-Романовский Г. В. Об особенностях преступности мигрантов-иностранцев в Российской Федерации // NB: Национальная безопасность. — 2013. — 3. — С. 189–200. URL: http://www.e-notabene.ru/nb/article_672.html
15. Волох В. А., Суворова В. А. Концепция государственной миграционной политики России — основа миграционной безопасности страны // NB: Национальная безопасность. — 2013. — 3. — С. 1–16. URL: http://www.e-notabene.ru/nb/article_713.html
16. Волох В. А. Трудовая миграция: законодательство и политика // NB: Вопросы права и политики. — 2013. — 3. — С. 1–20. DOI: 10.7256/2305-9699.2013.3.594. URL: http://www.e-notabene.ru/lr/article_594.html

17. Щупленков Н. О., Щупленков О. В. Перспективы развития миграционного права в России // *NB: Проблемы общества и политики.*—2014.—1.— С. 36–75. DOI: 10.7256/2306–0158.2014.1.10776. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_10776.html
18. Приженникова А. Н. Трудовая юстиция в России // *NB: Вопросы права и политики.*—2013.—11.— С. 78–87. DOI: 10.7256/2305–9699.2013.11.10078. URL: http://www.e-notabene.ru/lr/article_10078.html
19. Волох В. А., Суворова В. А. Концепция государственной миграционной политики России — основа миграционной безопасности страны // *NB: Национальная безопасность.*—2013.—3.— С. 1–16. DOI: 10.7256/2306–0417.2013.3.713. URL: http://www.e-notabene.ru/nb/article_713.html
20. Чирков Д. К., Литвинов А. А., Антонов-Романовский Г. В. Об особенностях преступности мигрантов-иностранцев в Российской Федерации // *NB: Национальная безопасность.*—2013.—3.— С. 189–200. DOI: 10.7256/2306–0417.2013.3.672. URL: http://www.e-notabene.ru/nb/article_672.html
21. А. Ю. Ястребова Международно-правовое регулирование миграции: эволюция, основы, иммиграционные приоритеты Российской Федерации и стран Европейского союза // *Международное право и международные организации / International Law and International Organizations.*—2012.—1.— С. 91–99.
22. Терентьева Г. В. Новый Глобальный подход ЕС к миграции и мобильности (GAMM) и социальные аспекты миграционной политики Италии. // *Тренды и управление.*—2013.—№ 3.— С. 62–71. DOI: .10.7256/2307–9118.2013.3.6592.
23. М. А. Грачева. Высылка (депортация) мигрантов в свете защиты права на уважение семейной жизни в Европейском суде по правам человека. // *Право и политика.*—2013.—№ 2.— С. 232–237. DOI: .10.7256/1811–9018.2013.02.11.
24. Ю. К. Ахатов. Этнический мигрант сахалинской области. Социологический портрет.. // *Политика и Общество.*—2012.—№ 11.— С. 99–115.
25. В. Ц. Худавердян. Национальные меньшинства и иммигранты в системе социальных отношений: социально-философское измерение. // *Философия и культура.*—2012.—№ 7.— С. 54–60.
26. В. Ц. Худавердян. Феномен «параллельных культур» за рубежом: социально-философское осмысление. // *Политика и Общество.*—2012.—№ 4.— С. 77–81.
27. А. Ю. Ястребова. Международно-правовое регулирование миграции: эволюция, основы, иммиграционные приоритеты Российской Федерации и стран Европейского союза. // *Международное право и международные организации / International Law and International Organizations.*—2012.—№ 1.— С. 91–99.
28. A. S. Razin. Ethno-confessional relations in modern Russia: formation and epistemological status. // *SENTENTIA. European Journal of Humanities and Social Sciences.*—2013.—№ 2.— С. 32–42. DOI: .10.7256/1339–3057.2013.2.9940.
29. Admiralova, I.A.. Peculiarities of the initial investigation of human trafficking. // *SENTENTIA. European Journal of Humanities and Social Sciences.*—2013.—№ 1.— С. 42–48. DOI: 10.7256/1339–3057.2013.1.9383

References (transliterated)

1. Ivakhnyuk I. V. *Nelegal'naya migratsiya v kontekste natsional'noi bezopasnosti Rossii // Lomonosovskie chteniya—2003.*— М.: Ekonomicheskii fakul'tet MGU, TEIS, 2003.

2. Iontsev V. A., Ivakhnyuk I. V. Rossiya v mirovykh migratsionnykh potokakh: osobennosti i tendentsii poslednego desyatiletia (1992–2001 gg.) // Mir v zerkale mezhdunarodnoi migratsii. Seriya «Mezhdunarodnaya migratsiya naseleniya: Rossiya i sovremennyi mir». Vypusk 10.— M.: MAKS Press.— S. 38–89.
3. Volokh V. A., Volodin E. V. Novoe v zakonodatel'stve o trudovoi migratsii: plyusy i minusy // NB: Voprosy prava i politiki.—2013.—10.— C. 93–103. URL: http://www.e-notabene.ru/lr/article_9793.html
4. Evtushenko V. I. Migratsiya: kriterii ponyatiya // Aktual'nye problemy rossiiskogo prava.—2011.—4.— C. 70–77.
5. Mamitova N. V. Migratsionnaya politika Rossiiskoi Federatsii: problemy teorii i praktiki // NB: Problemy obshchestva i politiki.—2013.—6.— C. 73–104. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_532.html
6. Zaionchkovskaya Zh. Rynok truda kak regulyator migratsionnykh protsessov // Migratsiya i rynki truda v postsovetsoi Rossii / Pod red. G. Vitkovskoi; Mosk. Tsentr Karnegi.— M., 1998.
7. Metodologiya i metody izucheniya migratsionnykh protsessov / pod red. Zh. Zaionchkovskoi, I. Molodikovoi, V. Mukomelya.— M., 2007.
8. Rodionova L. V. Sovremennye migratsionnye tendentsii // Sotsial'no-ekonomicheskie aspekty reformirovaniya v Altaiskom krae v 90-e gody / Pod red. A. Ya Trotskovskogo.— Novosibirsk: IEiOPP SO RAN, 2001.
9. Borodkin F. M. Preodolenie sotsial'noi eksklyuzii: novye podkhody // Rossiya, kotoruyu my obretaem / Otv. red. T. I. Zaslavskaya, Z. I. Kalugina.— Novosibirsk, 2003.— S. 507–537.
10. Abrakhamson P. Sotsial'naya eksklyuziya i bednost' // Obshchestvennye nauki i sovremennost'.—2001.—№ 2.— S. 158–166.
11. Tikhonova N. E. Fenomen sotsial'noi eksklyuzii v usloviyakh Rossii // Mir Rossii.—2003.—№ 1.— C. 36–84.
12. Sergienko A. M., Kalugina Z. I., Rodionova L. V., Fadeeva O. P., Muronova I. Yu. Ekonomicheskoe povedenie naseleniya i sotsial'nye eksklyuzii na sel'skom rynke truda // Sotsial'naya politika: realii XXI veka: sb. rabot grantopoluchatelei Chetvertogo tura konkursa: Seriya «Grantovye proekty NISP-IISP Grantees» Papers» GP/2004/05.— M.: Nezavisimyi in-t sots. politiki, 2004.— Vyp. 2.— S. 160–196.
13. N. N. Zinchenko Regional'nye osobennosti pravovogo regulirovaniya protsessov vneshnei trudovoi migratsii (na primere stran—uchastnits Sodruzhestva Nezavisimyykh Gosudarstv) // LEX RUSSICA (RUSSKII ZAKON).—2013.—9.— C. 943–952.
14. Chirkov D. K., Litvinov A. A., Antonov-Romanovskii G. V. Ob osobennostyakh prestupnosti migrantov-inostrantsev v Rossiiskoi Federatsii // NB: Natsional'naya bezopasnost'.—2013.—3.— C. 189–200. URL: http://www.e-notabene.ru/nb/article_672.html
15. Volokh V. A., Suvorova V. A. Kontseptsiya gosudarstvennoi migratsionnoi politiki Rossii — osnova migratsionnoi bezopasnosti strany // NB: Natsional'naya bezopasnost'.—2013.—3.— C. 1–16. URL: http://www.e-notabene.ru/nb/article_713.html
16. Volokh V. A. Trudovaya migratsiya: zakonodatel'stvo i politika // NB: Voprosy prava i politiki.—2013.—3.— C. 1–20. DOI: 10.7256/2305–9699.2013.3.594. URL: http://www.e-notabene.ru/lr/article_594.html
17. Shchuplenkov N. O., Shchuplenkov O. V. Perspektivy razvitiya migratsionnogo prava v Rossii // NB: Problemy obshchestva i politiki.—2014.—1.— C. 36–75. DOI: 10.7256/2306–0158.2014.1.10776. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_10776.html

18. Prizhennikova A. N. Trudovaya yustitsiya v Rossii // NB: Voprosy prava i politiki. —2013.—11.— C. 78–87. DOI: 10.7256/2305–9699.2013.11.10078. URL: http://www.e-notabene.ru/lr/article_10078.html
19. Volokh V. A., Suvorova V. A. Kontsepsiya gosudarstvennoi migratsionnoi politiki Rossii — osnova migratsionnoi bezopasnosti strany // NB: Natsional'naya bezopasnost». —2013.—3.— C. 1–16. DOI: 10.7256/2306–0417.2013.3.713. URL: http://www.e-notabene.ru/nb/article_713.html
20. Chirkov D. K., Litvinov A. A., Antonov-Romanovskii G. V. Ob osobennostyakh prestupnosti migrantov-inostrantsev v Rossiiskoi Federatsii // NB: Natsional'naya bezopasnost». —2013.—3.— C. 189–200. DOI: 10.7256/2306–0417.2013.3.672. URL: http://www.e-notabene.ru/nb/article_672.html
21. A. Yu. Yastrebova Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie migratsii: evolyutsiya, osnovy, immigratsionnye priority Rossiiskoi Federatsii i stran Evropeiskogo soyuza // Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizatsii / International Law and International Organizations. —2012.—1.— C. 91–99.
22. Terent'eva G. V. Novyi Global'nyi podkhod ES k migratsii i mobil'nosti (GAMM) i sotsial'nye aspekty migratsionnoi politiki Italii. // Trendy i upravlenie. —2013.—№ 3.— C. 62–71. DOI: .10.7256/2307–9118.2013.3.6592.
23. M. A. Gracheva. Vysylka (deportatsiya) migrantov v svete zashchity prava na uvazhenie semeinoi zhizni v Evropeiskom sude po pravam cheloveka. // Pravo i politika. —2013.—№ 2.— C. 232–237. DOI: .10.7256/1811–9018.2013.02.11.
24. Yu. K. Akhatov. Etnicheskii migrant sakhalinskoj oblasti. Sotsiologicheskii portret. // Politika i Obshchestvo. —2012.—№ 11.— C. 99–115.
25. V. Ts. Khudaverdyan. Natsional'nye men'shinstva i immigranty v sisteme sotsial'nykh otnoshenii: sotsial'no-filosofskoe izmerenie. // Filosofiya i kul'tura. —2012.—№ 7.— C. 54–60.
26. V. Ts. Khudaverdyan. Fenomen «parallel'nykh kul'tur» za rubezhom: sotsial'no-filosofskoe osmyslenie. // Politika i Obshchestvo. —2012.—№ 4.— C. 77–81.
27. A. Yu. Yastrebova. Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie migratsii: evolyutsiya, osnovy, immigratsionnye priority Rossiiskoi Federatsii i stran Evropeiskogo soyuza. // Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizatsii / International Law and International Organizations. —2012.—№ 1.— C. 91–99.
28. A. S. Razin. Ethno-confessional relations in modern Russia: formation and epistemological status. // SENTENTIA. European Journal of Humanities and Social Sciences. —2013.—№ 2.— C. 32–42. DOI: .10.7256/1339–3057.2013.2.9940.
29. Admiralova, I. A.. Peculiarities of the initial investigation of human trafficking. // SENTENTIA. European Journal of Humanities and Social Sciences. —2013.—№ 1.— C. 42–48. DOI: .10.7256/1339–3057.2013.1.9383